

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья

УДК 82-32

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-340-356

EDN: SMGKZZ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА А. БИТТИРОВОЙ: ЭТИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ, ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

Асият Даутовна Атабиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, bolato-vaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Аннотация. Предметом исследования представленной научной статьи избрана психологическая проза, объектом рассмотрения выступают произведения балкарской писательницы А. Биттировой, включившейся в литературный процесс в конце 1990-х годов. Целью работы выдвинуто рассмотрение доминантной проблематики, художественных особенностей, повествовательных приемов (интроспекция, ретроспекция) и образных конструкций, задействованных писателем в создании текстов психологической направленности. В статье анализируется само явление без углубления в исторические закономерности становления жанра, и то, как феноменология психологизма проявляется на стилистическом и содержательном уровнях авторского текста. С ознакомительной целью в преамбуле обозначены определяющие черты психологической прозы, исследованы ключевые проблемные аспекты творчества А. Биттировой на предмет выявления соответствий с указанным жанром. В поле зрения художника находится типология конфликта и образов героев с фокусировкой на нравственно-этической составляющей межличностных коммуникаций. Творческие техники, используемые автором, и разбор этих техник по цепочке выводят на функционал национальной прозы реалистического направления. Проанализировав корпус художественных текстов средней и малой повествовательной формы, мы приходим к выводу, что в повестях и рассказах балкарской писательницы доминируют исповедальная, интроспективная линии, как отличительные признаки женской психологической прозы.

Ключевые слова: психологическая проза, социальная проблематика, типология конфликта, межличностные коммуникации, гендерный аспект, исповедальность, фактологическая основа.

Для цитирования: Атабиева А.Д. Психологическая проза А. Биттировой: этический, социальный, гендерный аспекты осмысления // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 340-356. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-340-356. EDN: SMGKZZ.

© Атабиева А.Д., 2025

Original article

**PSYCHOLOGICAL PROSE BY A. BITTIROVA: ETHICAL, SOCIAL
AND GENDER ASPECTS OF UNDERSTANDING**

Asiyat D. Atabieva

Institute for Humanitarian Studies – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Abstract. The subject of this research article is psychological prose, and the object of study is the works of the Balkarian writer A. Bittirova, who joined the literary process in the late 1990s. The purpose of this work is to examine the dominant themes, artistic features, narrative techniques (introspection, retrospection), and figurative structures used by the writer in creating psychological texts. The article analyzes the phenomenon itself without delving into the historical patterns of the genre's development, and how the phenomenology of psychologism manifests itself at the structural and content levels of the author's text. For the purpose of familiarization, the preamble outlines the fundamental features of psychological prose and explores the key problematic aspects of A. Bittirova's work to identify its correspondence with this genre. The artist's field of vision includes the typology of conflict and character images, with a focus on the moral and ethical aspects of interpersonal communication. The author's creative techniques and their analysis lead to the functionality of national prose in the realistic genre. After analyzing a corpus of literary works in medium and short narrative forms, we conclude that the Balkarian writer's stories and novellas are dominated by confessional and introspective elements, which are characteristic of women's psychological prose.

Keywords: psychological prose, social issues, conflict typology, interpersonal communication, gender aspect, confessionalism, factual basis.

For citation: Atabieva A.D. Psychological Prose by A. Bittirova: Ethical, Social, and Gender Aspects of Interpretation // Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 340-356. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-340-356. EDN: SMGKZZ.

© Atabieva A.D., 2025

Границы понятия психологической прозы вбирают комплекс функциональных задач, связанных с усилением художественного «психологизма» и «психологического анализа» в тексте, созданием «психологического портрета», выявлением характерологической типологии. Прежде чем приступить непосредственно к анализу творчества А. Битировой в заданном ракурсе, считаем необходимым обозначить вклад некоторых российских литературоведов в разработку теоретической методологии вопроса. Функционал психологической прозы в пределах индивидуальной исследовательской концепции рассмотрен в целом ряде научных изысканий [Иезуитов 1970; Гинзбург 1977; Бочаров 1977; Кодак 1980; Маркова 2002; Есин 2003; Горжая 2020 и др.]. Определяющие качества литературного творчества в данном направлении – акцент на раскрытии внутреннего состояния, мироощущения героев, нацеленность на отражение глубинной психологии личности. В этом ракурсе тема исчерпывающе исследована в трудах корифеев психоанализа («коллективное бессознательное» К. Юнга, теория «бессознательного психического» и толкование сновидений З. Фрейда). Отмеченная линия проглядывается и в антропоцентрической парадигме литературы (слова М. Горького «литература – это человековедение»), развивающейся в междисциплинарном контексте. Антропоцентрический подход в разное время разрабатывался в культурологии, философии, теоретическом языкоznании, паралингвистике, литературоиздании. Ценными представляются тезисы В. фон Гумбольдта (трактовка

духа), Э. Бенвениста («человек в языке»), Леви Стросса (структурная антропология), Кл. Шеннона, Потебни А.А. (язык и народность), Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина и других авторитетных ученых.

Как художественная универсалия «психологическая проза» утвердилась и эстетически оформилась еще в начале XIX в. «В литературе XX века исследование психологии личности интенсивно заявляет себя в форме «потока сознания», раскрывающей человеческую сущность, неявность, закрытость» [Маркова 2002: 43]. Применительно к северокавказской прозе региональной критикой отмечается, что самое активное обращение к методам и приемам психологического изображения наблюдается в творческой практике национальных писателей в 1980–2000 гг. [Бозиева 2008]. Состояние общества в ту или иную эпоху корректирует содержательную компоненту произведений, которые находятся в рассматриваемой жанровой нише. В отдельные периоды отмечается рост популярности произведений психологической прозы, содержащих философские размышления о жизни, месте человека в социуме, поиске аутентичного «Я». В них неизменна сосредоточенность на эмоционально-чувственных переживаниях героев с целью их психологической презентации. Вариации форм (от дневниковых записей, писем, мемуаров, автобиографических заметок до целостно структурированных художественных текстов) оказываются весьма продуктивными в литературе современности. Предельно актуальной становится и женская беллетристика. Заданные границы предусматривают соотношение авторских привнесений (*autofiction*) и нехудожественной информации о реальном мире (*non fiction*). Многообразие затрагиваемых тем предоставляет дополнительные возможности осмыслиения насущных вопросов человеческого бытия, уяснения правил функционирования привычной модели социума.

Характеризуя проблему психологизма «на материале литературы, и канонической художественной, и документальной», Гинзбург Л.Я. отслеживает «сцепление переходов – от свойств к характеру и далее к психическому процессу; от двойственных противопоставлений к разносторонней обусловленности, исторической и социальной; от прямого отношения между чувством и словом, между свойством – мотивом – поступком, между поступком и его этической ценностью – к отношениям многозначным» [Гинзбург 1977: 442]. Таков расклад наиболее значимых моментов, на раскрытие которых ориентирована психологическая проза.

Переживающий субъект и его сенсорные ощущения занимают писателей не меньше, чем иллюстрация жизненных условий. Первичным объектом осмыслиения в текстах подобного рода выступают не только социальные взаимоотношения между людьми, сколько внутреннее движение души, устремления сердца, увершевания ума. Именно они выделяются в качестве ведущих черт. Герои таких произведений стремятся к осознанию своей социальной роли, находясь в процессе самоотождествления, психологической и духовной самоидентификации, чем обусловлена сосредоточенность на чувствовании, проявлении эмоционального фона. Формы художественного повествования могут быть разными, однако весь смысл заключается в проигрывании соответствующих ситуаций, позволяющих выяснить скрытую суть изображаемых образов. Анализ психоэмоциональной сферы в художественном дискурсе способствует достоверной иллюстрации

глубинных переживаний персонажей, так или иначе вовлеченных в жизненные перипетии друг друга. Таким образом, человек мыслится точкой отсчета при исследовании социальных явлений.

С учетом жанровой специфики психологической прозы достоверность изображения имеет первостепенное значение. Подавляющее большинство авторов придерживаются концепции реалистического изображения. Объективная мотивировка социально обусловленного поведения людей определяет перспективы и конечные цели творческого осмыслиения затрагиваемых тем. Глубокое и детальное исследование внутреннего мира персонажей, отслеживание хода их мыслей, живость проживаемых ощущений вызывают естественное сопереживание, помогая приблизиться к пониманию причинно-следственных связей, дают читателю возможность прочувствовать сиюминутное состояние героев, мысленно представить себя на их месте, идентифицируя себя с кем-то из них.

Прямой и косвенный психологизм, применение различных техник (ретроспекция и интроспекция, онейрические вставки, монологические сентенции) и тропов (метафор, эпитетов, уподоблений) имеют место быть, так как смыслы, реализуемые в авторском лексическом словаре, формируют необходимую тональность и психоэмоциональный фон повествования. «По-разному моделируя своих персонажей, писатели XX века стремятся преодолеть инерцию рационалистически организованной, завершенной формы, предъявляя человека принципиально не завершенным и не объясненным, а тайну его души и сознания … неразгаданной» [Маркова 2002: 56]. Все эти приемы направлены на резонансный отклик читающего реципиента, продиктованы стремлением писателя вызвать сочувствие, передать состояние человека в ситуациях высокого эмоционального напряжения. Внимание авторов не в меньшей степени занимают скрытые склонности человека, пробуждающиеся в моменты стресса и психологической надломленности. Соответственно, «психологичность» (или «психологическое изображение») как вариант художественного воплощения личности, направленного на транслирование ее внутреннего мира, имеет «имманентное свойство выражать психику человека» [Кодак 1980: 6-7].

Для рассказов балкарской писательницы Аминат Биттировой характерна специфическая манера описания, когда с целью раскрытия душевного состояния персонажа в тексте задействованы внутренний монолог и онейрические вставки, способствуя раскрытию человеческого подсознания. В характере повествования, во всей хронотопической его структуре и самой интонации определяется проявление психологизма. Хотя автор абсолютно не тенденциозна в своих оценках, выказывая убежденность, что в действительности не существует образов эталонных, следовательно, изучает характеры героев, чтобы выявить причинно-следственные связи, соответствующие маркеры и паттерны (аналитический, каузальный подход). Иногда любой автор «по необходимости выступает как писатель-философ, а его творчество – как художественная (литературная) форма философствования» [Москвина 1982: 104]. Нужной реалистичности и драматического эффекта он достигает и путем воссоздания деталей интерьера, живости атмосферы. Портретные характеристики действующих лиц объективны, но их нельзя интерпретировать однозначно, в каждом случае нужно исходить из ситуативного контекста. В

рассказах наличествуют паузы, ощущается некая «неявность», недосказанность. Писатель склонен использовать тактический прием умолчания, добиваясь нужного эффекта через отсутствие вербального выражения переживаний или, наоборот, – интенсивное проявление эмоций, повышенную экспрессивность.

Художник последовательно информирует своего читателя о предыстории описываемых событий, побуждая эмоционально вовлекаться в происходящее и одновременно анализировать поступки персонажей, исходя из субъективно-оценочного уровня, ценностного восприятия прочитанного, переживая при этом схожие чувства. Угнетающая атмосфера, фокусировка на внутренних рефлексиях героев, подробная обрисовка интерьера (дома, комнаты, помещения), предметная детализация – все вкупе способствует достижению намеченных целей. Заметна и увлеченность элементами бытописания.

Дебютной книгой А. Биттировой стал сборник рассказов «Шашханла жаннетге тюшедиле» («Блаженные попадают в рай»), изданный в 1998 г. В содержательном плане он представляет собой дневник авторских размышлений, экзистенциально-философских рассуждений на социальные и нравственно-этические темы. Писателем затронуты вопросы нравственности, духовного самоопределения, коммуникативной этики в современном обществе. Бездушие мира и человеческие пороки получают в книге реалистическое, фокусное отражение. Автор концентрирует внимание на том, насколько сложно, к примеру, ребенку (неокрепшему детскому сознанию) адаптироваться к условиям жесткой реальности социума, в котором процветают равнодушие и безответственность взрослых. Творчество А. Биттировой по сути своей является напоминанием современникам о давно забытых духовных максимах и представляет собой открытый личностный протест против безразличия. Мысли художника отягощены сожалением об утраченных ценностях, постепенной аннигиляции родовых связей, очерствении человеческих душ, обезличивании человека. Ее герои задаются вопросом: возможно ли при таких обстоятельствах избежать озлобления сердца и получают однозначный ответ – необходимо проявлять великодушие друг к другу, научиться слышать и сопереживать.

Проза А. Биттировой буквально изобилует трагическими историями. Пример того, как безрадостная атмосфера больничной палаты, вынужденная смена привычной обстановки негативно влияют на детскую психику либо, наоборот, помогают ребенку раскрыться, показаны в рассказах «Нексе сен былай мудах?» («Почему ты такой грустный?»), «Сокъураны» («Сожаление»). Автор отслеживает, как возникают доверительные отношения между ребенком (Кырылбий) и взрослым (Эльмырза), между обидчиком (задиристый подросток) и третируемым (мальчик Шакъман), и что этому способствует. Автор стремится донести мысль о том, что в обществе не все находятся в равных условиях, существуют семьи, в которых складывается психологически тяжелый климат. Бывает так, что при живых родителях дети живут как сироты, брошенные на произвол судьбы один на один с реальностью. Однако они не в состоянии самостоятельно найти решение, оттого так остро реагируют на переменчивость настроения взрослых, ощущая свою ненужность, и как следствие – обесценивают себя. Этот фактор мешает им органично социализироваться в будущем.

Следует сказать и об умении автора улавливать малейшие признаки неустойчивости психики (на примере нерадивых матерей и отцов, людей с преобладанием деструктивного начала, эгоистическим складом характера, вредными привычками, зависимостями). Об этом история Назира и Азинат в рассказе «Озгъан насып» («Утраченное счастье»), иллюстрирующая то, как равнодушие близкого человека, его нежелание откликнуться на зов о помощи рушат зыбкое семейное счастье. Тяжелая болезнь делает человека беспомощным, уязвимым, этот момент требует чуткости и сострадания, на которые не каждый спутник жизни способен. Осознание предательства приходит к Назиру слишком поздно, когда уже сложно что-то исправить. Поняв, на какие страдания обрек жену и детей, он твердо намерен искупить вину перед ними. Смерть Азинат, дети, лишившиеся тепла матери, обязательства, о которых до сих пор мужчина не хотел знать – все эти внешние обстоятельства, а также внутренняя боль грузом ложатся на его плечи. И вновь писательница использует мотив сна для усиления драматического накала: Азинат просит Назира позаботиться о детях, иначе она заберет их к себе, хотя для них это не лучшее место. Запоздалое чувство вины, ощущение безысходности, мысли о безжалостности этого мира терзают героя изнутри. Рассказ завершается эпизодом, когда он шагает в мерзлой夜里, снег падает и тает на лице, в надежде скрыть его слезы, смыть собой все плохое.

Психологизм прозы А. Биттировой обнажает истину, затрагивая болезненные темы, в этой связи немаловажным является этический момент – ситуация нравственного выбора. Выражаясь словами Л.Я. Гинзбург, «поведение человека литература изображала всегда, следовательно, этика всегда была для нее внутренним, структурным началом» [Гинзбург 1977: 442].

Вне зависимости от жанрово-видовой принадлежности, психологическая проза балкарской писательницы характеризуется фокусировкой на внутреннем мире действующих лиц, преобладанием субъективного начала, исповедальной тональностью повестей и рассказов, интроспективной повествовательной манерой, что стилистически адекватно избранной линии. И формы психологического изображения более чем разнообразны. Некоторые художественные тексты можно отнести к дневниковому жанру (это касается главным образом повестей автора). В числе узнаваемых черт определяется преобладание субъективного начала, интроспективный характер повествования. Чтобы ответить на вопрос, в чем своеобразие прозы А. Биттировой, необходимо выделить основные целеполагания автора: обращенность к психоанализу, стремление к индивидуализации образов, транслирование скрытых душевных устремлений персонажей, выявление типологии конфликта и типологии характеров героев. В каждом отдельном случае происходит визуализация и вербализация психологических процессов, раскрывающихся по мере углубления в предысторию событий.

Следует отметить, что автор часто сосредоточен на исследовании женской психологии, выявляя скрытую мотивировку поведения своих героинь. Исследуя особенности «женской психологической прозы» А. Горжая выделяет три типа: андрогинный (паттерны, совмещающие в себе мужское и женское), аннигиляционный и феминный [Горжая 2020: 175]. Рассматривая прозу А. Биттировой с этой точки зрения, можно сказать, что творческий выбор писательницы не сводится к

какому-то конкретному из вышеперечисленных типов, скорее, наблюдаются их производные варианты.

Типология женских образов постоянно видоизменяется и предстает в интересной конфигурации. Скажем, судьбы героинь Сафият («Жауунлу кечеде къалгъан насып» – «Счастье, потерянное в дождливую ночь»), Къаражан («Къаражан»), Назийфы («Танг атмай турса эди» – «Хоть бы не рассветало») – сравнительно схожи. Истории их жизни полны драматических событий, переломных этапов, потерь, которые закалили характер, не позволили ложному чувству вины (в попытке оправдать жестокость окружающих) искалечить собственную психику. Некоторые из них через боль и доверие к себе вышли в ресурсное состояние. Женщинам (в особенности горским) свойственно растворяться в любви, заботе о близких людях из мнимой (навязанной) жертвенности, которая переходит в разряд социально одобряемых действий, в действительности же это потакание чужим потребностям. Зачастую такое происходит из-за страха осуждения, патриархальный уклад жизни, необходимость чтить родовые связи согласно принятой иерархии, дорожить семейными узами, соблюдать основы нравственности и духовности накладывают на матерей, снох, жен, сестер, дочерей непосильную ношу и огромную ответственность. Каждая из этих социальных ролей требует неукоснительного следования принятым этическим нормам. При этом личное счастье отодвигается на задний план. Когнитивный диссонанс между стремлением к осуществлению желаемого (недостижимым) и необходимостью исполнения возложенных на них социальных обязательств приводит к разрастанию неразрешимого внутреннего конфликта. Все эти моменты отслежены писателем на конкретных примерах из жизни, и их подлинность не вызывает сомнений.

В произведениях А. Биттировой потенциальному читателю предоставляется возможность рассмотреть правду жизни, как она есть без прикрас, поскольку у автора нет цели – ретушировать или сглаживать реальность. Социальная острота затрагиваемых проблем заведомо прогнозируется. Ситуации, образы, обстоятельства, персонажи и их переживания максимально объективизированы. Писателем достигается детализация высокого уровня, создается эффект укрупнения фокуса – выпуклого изображения, что позволяет нам прочувствовать все этапы развития событий в режиме реального времени через зеркало индивидуальных впечатлений. При прочтывании текста нередко ловишь себя на мысли, будто это когда-то уже происходило, эффект «дежавю» – повторяющегося состояния. Читатель как бы вынужден примерять ситуации из жизни выдуманных героев на свою собственную судьбу.

В прозе писательницы ощущается разительный контраст между рафинированной художественностью, принятой в литературе недавнего прошлого, и обнаженными струнами человеческой души, способной пропускать через себя весь спектр эмотивных реакций. Без наложения искусственно подобранных спецэффектов с целью аннигиляции драматических картин обыденного существования вполне себе заурядного человека, который в целом ничем не примечателен, не наделен особыми талантами, не относим к статусным личностям и т.д. Однако изображаемые А. Биттировой образы и ситуации вызывают живой отклик у таких

же обычных людей. И это сама жизнь, полновесно отраженная с разных ракурсов, в различных преломлениях. В рассказах и повестях автора не решаются глобальные общечеловеческие проблемы или конфликты, в них затронута непосредственная жизнь и обозначены вопросы, универсальные в своем естестве. Человеческие чувства, мысли, надежды, страхи, психологические травмы улавливаются с предельной чуткостью, отражаются настолько достоверно, что испытываешь искреннее, нескрываемое сочувствие пережитому другими людьми.

В рассказах «Счастье, потерянное в дождливую ночь», «Почему ты такой грустный?», «Къаражан» главные герои (старики, женщины, дети) сталкиваются с равнодушием близких, домашним насилием, испытывают страх перед источником боли. Герои произведений «Нексе сен былай мудах?» («Почему ты такой грустный?»), «Анам келип къалса эди» («Хоть бы мама пришла») Аскер и Кырылбий каждый день проводят в ожидании приезда матери. За ними присматривают другие люди. В детском восприятии мама – идеал красоты, ее образ абсолютизируется. Только в присутствии матери ребенок ощущает себя полноценным и защищенным. Однако эти дети превращаются в изгоев, вынужденные существовать в атмосфере духовного разлада, напряженных отношений между близкими, что естественно сказывается на их психическом состоянии. Много раз мальчишка (Аскер в рассказе «Хоть бы мама пришла») становился свидетелем ссор между матерью и бабушкой, после которых мать уезжала в слезах и долго не появлялась. Психологическая надломленность ребенка, осознающего свою ненужность, обесцениваемого близкими людьми, третируемого сверстниками за то, что он из неблагополучной, неполной семьи, отсутствие моральной поддержки – все это усугубляет низкий уровень его социальной интегрированности. Для детской психики ничто не проходит бесследно. Обстоятельства вынуждают приспособливаться, подстраиваться под настроение окружающих. Ребенок, который когда-либо сталкивался с равнодушием и игнорированием его потребностей, постоянным внушением собственной ущербности, оказавшись втянутым в перетягивание каната после окончательного разрыва отношений, находится в состоянии тревожного ожидания. Он считывает эти моменты как подтверждение своей вины за несуществующие ошибки, так в его сознание закладывается очередная детская травма, которая может иметь необратимые последствия. Трагизм судеб, обездоленность ребенка, лишенного материнской ласки, выброшенного на задворки жизни, потерявшего веру в себя и в людей (в лице взрослых), которые зачастую равнодушны и безучастны к его страданиям, поскольку сами заняты решением собственных проблем. Незавершенный сюжет рассказа оставляет горькое послевкусие, погружая читателя в глубокие раздумья о жизни.

Тема сиротской доли осмыслена и в содержании рассказа «Жилтинчик» («Искорка»). Фариз рано остался вдовцом с четырьмя детьми. Болезненность жены объяснялась трагическими обстоятельствами прошлого (в выселение мать умерла в поезде, ее со старшим братом забрали в детский дом, где недоедание и стресс способствовали ухудшению здоровья, которое так и не восстановилось). Младшему сыну было всего четыре года, когда она ушла из жизни. Счастливое, размеренное существование семьи рухнуло. Обязательства по уходу за детьми легли на его плечи. Прежде улыбчивый, жизнерадостный Фариз превратился в

сгоревшую головешку. Поначалу мужчина старался никого не обременять, справляясь сам. Со временем стало сложнее, люди настаивали на том, что в доме необходимо женское присутствие. Повторный брак так и не принес успокоения, дети оказались незащищенными и уязвимыми перед скрытой агрессией Аккыз. Больше всех доставалось младшему сыну, которого все ласково называли Жилтинчик (Искорка). Он всячески старался сохранить память о матери, из-за чего происходили стычки. Дети были лишены заботы, элементарного ухода и теплого проявления эмоций, поэтому находиться в доме стало для них невыносимо. Так продолжалось до тех пор, пока Фариз не убедился в происходящем сам. Он был окончательно разбит, узнав правду. Повторяющиеся ситуации и слезы детей позволили ему осознать, какую роковую ошибку он совершил, на что обрек детей, выбрав в спутницы жизни бездушного человека. Мужчина испытывал злость на самого себя за наивность и недопустимую в его случае беспечность. Теперь ему предстояло заново завоевывать доверие детей, жить с неизбывным чувством вины.

Давая объективную характерологическую оценку биттировским героям, надо сказать, что мало кому из них свойственна ассертивность – уверенность в собственных силах, независимость от внешних оценок и влияний, способность открыто выражать свои потребности, чувства и индивидуальную позицию, соблюдая при этом личностные границы. Чаще наблюдается ригидность, негибкость мышления, когда любые перемены и ответственность пугают. Высокофункциональные навыки межличностной коммуникации нарабатываются только в случае гармонично развитой (не травмированной) личности, четко осознающей свое право на лучшую роль, чтобы не служить удобным винтиком в социальном механизме, постоянно придерживаясь одобряемого обществом поведения.

Автор рисует характеры изнутри через выразительные особенности речи, модели социального поведения, внешние проявления и эмоциональные реакции. Все сказанное суммарно отражает свойства той или иной личности. На этом и основано психологическое изображение. Концепция личности корректируется, исходя из совокупности объективных предпосылок ее развития на всех жизненных этапах. Здесь, несомненно, учитываются и характер социальной среды, в которой человек пребывает, и детерминированность объективными условиями существования.

По мнению А. Биттировой, ценность личности заключается в проявлении человечности. Жизнь души должна быть показана в динамике. В рассказах и повестях автора нет места сентиментальности или романтическому флеру. Правда бытия раскрывается в повседневной рутине. Действенными средствами обрисовки образов становятся описания сновидческих эпизодов, использование психически окрашенных пейзажей, детализации быта, выстраивание пространных монологов, позволяющих собрать воедино совокупность внешних и внутренних факторов, переменно оказывающих влияние на эмоциональную сферу. Художника интересуют тот социальный круг, та внешняя среда и тесная связь с миром, которые будут способствовать иллюстрации личностных качеств в различных ситуативных моментах.

Кризис ценностных опор, обособление личности, нарастающая отчужденность в социуме (следствие разочарований в собственных ожиданиях), поиск ответов на острые вопросы гуманистического содержания подводят героя к важным внутренним осознаниям, способствуя обретению внутренней целостности, самоценности. Писательница демонстрирует последовательную мотивацию поступков персонажей, вскрывает эмоциональные настроения, психологические блоки различной этиологии. Используя возможности реалистического психологизма, автор иллюстрирует привычные явления общественной жизни, преломляя сквозь призму восприятия своих героев, подсвечивая тем самым их внутренние противоречия. Благодаря этому образы находят исповедальное самовыражение, отслеживающееся в изменчивости психосоматических состояний. Сознание персонажей временами раздваивается, и эти моменты фиксируются как стоп-кадр. Многие герои имеют обыкновение рефлексировать, мысленно сосредотачиваться на судьбоносных событиях прошлого, убеждая себя в важности пережитого опыта и его связи с происходящим сейчас. Тогда им становятся ясны мотивировки действий других людей.

В творчестве А. Биттировой достоверно и остро раскручивается тема межличностных взаимоотношений. В содержании художественных произведений нравственно-этическая и социальная проблематики неизменно преобладают. Каждая история – это объективная характеристика современного общества. Проблема духовного разлада личности рассматривается писателем изнутри. Нравственность и коммуникативная этика волнуют автора в большей степени, нежели глобальные события вселенского масштаба. В соответствии с замыслом конструируются ситуации, выстраивается типология конфликта. Первым в этом ряду выделен внутриличностный конфликт (противоречие между желаемым и навязанным обществом / семьей, несоответствие мира индивидуальным ожиданиям человека пробуждает в нем чувство неудовлетворенности собой). Межличностный конфликт возникает уже на основе скрытого (зависть, антипатия, злоба, нетерпимость) или открытого противостояния (несовпадение интересов, убеждений, жизненных целей, столкновения между людьми из-за конкуренции). Традиционное выражение уважения (не всегда оправданного) по старшинству или услужливость по отношению к человеку, выступающему в роли неформального лидера, который подавляет остальных и имеет большие преимущества над членами определенной социальной группы – тоже про это. Следующий тип – конфликт внутри семьи (разногласия в паре, противостояние отцов и детей) или социальной группы (когда человек не вписывается в коллектив). Объективными причинами могут быть: психологическая незрелость, внутреннее разделение, несовместимость характеров, ощущимые различия поведенческих паттернов, абьюзивная модель поведения, третирование со стороны лидера либо эмоциональное давление, оказываемое большинством. Таким образом, психологический конфликт раскрывается в социальном, гендерном и духовном аспектах. Последствия психологических противоречий оказывают деструктивное влияние на устойчивость ментального ядра личности. Все эти нюансы детально освещены и художественно объяснены в произведениях А. Биттировой. Если объединить их в целостную проблематику, то получается, что главная мотивация создания

подобных художественных текстов заключается в воспроизведении современной картины мира и человека в ней.

Биполярность (противоречивость сознания), природная агрессия, проявляющаяся в характере, отсутствие эмоций либо их систематическое подавление в себе серьезно отражаются на социальной адаптивности индивида, его умении коммуницировать. И очевидно не всякая личность способна органично интегрироваться в социум. Одними из ключевых причин конфликтных ситуаций оказываются мировоззренческие разногласия, классовое (статус, материальное положение) расслоение в обществе и духовная антагония.

В 2003 г. вышла в свет вторая книга А. Биттировой «Танг атмай турса эди» («Хоть бы не рассветало»), в нее включены рассказы и несколько художественных текстов средней эпической формы (в том числе повесть «Сюймеклигинги байлыкъыгъа жесир этгенсе» / «Сделал свою любовь заложницей богатства»), один из которых дал название сборнику. Произведение воспринимается максимально жизнеописательным, однако суггестия, пожалуй, служит определяющим началом в отражении вышеупомянутых проблемных аспектов. Художником используется минимум диалогов в пользу внутренних (монологических) рефлексий. Главная героиня – Назийфа – девушка врач, живущая в городе, родом из селения Кюннюм, где она выросла и где находится ее семья (родители Къанамат и Къаний, братья Азреталий, Залимхан и сестра Ханийфа). Доминантные сюжетные линии повести прокручиваются вокруг этого образа. Ведущий мотив повествования сосредоточен на теме любви. По мере того, как развивается сюжет, становится очевиден контраст между романтическим периодом знакомства Назийфы с Саматом и прогнозируемым драматическим финалом их отношений. Вместе с тем автор старается избегать пессимистического настроя. Жизнь идет своим чередом, соглашаясь с утверждением «все пройдет, и это тоже». Озвученная в самом начале фраза «Танг атмай турса эди. Ансы насыбым учуп кетерикча болама» («Хоть бы не рассветало. А то мне кажется, что счастье мое вмиг улетучится» [Биттирова 2003: 72]) характеризует яркие переживания влюбленной пары: эмоциональную экзальтированность, состояние всеохватывающего счастья, желание никогда не расставаться друг с другом. Однако эти иллюзии разбиваются вдребезги, едва столкнувшись с правдой жизни. Реальность такова, что со временем интерес в паре ослабевает, теряется новизна впечатлений, и кто-то один (Самат) легко идет на расставание, а другой (Назийфа) испытывает крушение надежд. Искренность героини в противовес эгоистической модели поведения ее избранника: на одной чаше весов – ее чуткость, сердечная теплота, на другой – его беспечность и умышленный обман. Впоследствии их роли кардинально меняются. Девушка (брошенная любимым без объяснений, отверженная собственной матерью за нарушение принятых в обществе правил, снедаемая сомнениями – сумеет ли вырастить сына без отца, сохранит ли себя целостной, несмотря на удары судьбы) все же находит в себе силы начать жизнь с чистого листа и обретает долгожданное счастье. Мужчина, пытающийся усидеть на двух стульях, отрекшийся от своего чувства ради собственного благополучия, очень скоро теряет вкус к жизни, сталкивается с неразрешимым внутренним конфликтом. Сожаления о неверном выборе, утраченном счастье, упущенной

возможности быть рядом с человеком, искренне любившим его, лишают Самата душевного покоя. Рефренная фраза позже получает обратный смысл: «Танг терк атса эди, Назийфа, мен санга тюберча» («Скорее бы рассвело, Назийфа, чтобы я смог встретиться с тобой»). Герой ожидает наступления утра как эфемерный шанс исправить ошибки прошлого, чтобы изредка общаться со своим ребенком, о существовании которого он не хотел прежде знать, итог – родного сына воспитывает приемный отец. Назийфа проявляет снисходительность к обидевшим ее людям, героиню характеризует зрелый подход к решению неоднозначных ситуаций. Мужчина, однажды вдохнувший в нее надежду на счастье и так же легко отказавшийся от любви, теперь сам ищет ее расположения, тоскует, как она по нему когда-то. Для Назийфы это чувство всегда было окрыляющим, но женщина принимает жесткие правила игры, навязанные жизненными обстоятельствами, сохранив внутри себя веру в нерушимость духовных принципов. Героиня не стала отягощать свое настоящеененавистью к человеку из прошлого, это сделало бы ее жизнь мрачной и угрюмой. Она глядела в небо, наблюдая, как проносятся облака, с мыслями: куда они спешат, вечно торопятся, как и люди, вертящиеся всю жизнь в суете. Им наверно не нужна любовь, и ненависть им не знакома, они беззаботно продолжают плыть в безбрежных просторах неба. И эта картинка от начала времен неизменна. Человеку же не дана такая свобода, он не может позволить себе быть отрещенным. Каждый, приходя в земную жизнь, оставляет след в этом мире. Каким он будет – решать ему. Эту идею и хотел донести автор до своего читателя.

Событийная канва повести обрисована двупланово, самостоятельные повествовательные линии синхронно развиваются в едином контексте. Во второй части использован прием ретроспекции, экскурс в прошлое знакомит нас с историей семьи главной героини. Рассказ о настоящем перемежается с воспоминаниями о минувшем. Семья Назийфы в прошлом столкнулась с рядом трагических событий: часть отца, заключенного в тюрьму по ложному доносу, и брата, который в погоне за легкой наживой попал в плохую компанию (участие в разбоях и воровстве). В результате умышленного подлога и фальсификации документов главой местной администрации Лобзе Къанамат несколько лет отсидел в тюрьме. Его обвинили в растрате и устранили с пути при попытке обратить внимание чиновничьей верхушки на темные дела областной администрации. Справедливости герой так и не добился, коррупционная система пресекала всякие действия в этом направлении. После выхода из заключения Къанамат прожил совсем недолго. Дочь Назийфа из-за всепоглощающего чувства к Самату (который вел двойную жизнь, имел семью на стороне) была обманута, оставшись с ребенком на руках. Сын Залимхан смолоду был влюблена в односельчанку Лейлю, которую отец выдал замуж за угодного ему человека. Движимый желанием быстро разбогатеть молодой парень решился на отчаянный поступок – связался с людьми, виновными в разбоях и кражах. Не одумавшись вовремя, он погиб в стычке с подельниками, пытаясь защитить односельчан. Их мать Къаний не выдержала свалившиеся на нее беды и вскоре умерла. Таков обзорный пересказ сюжета.

Писательница сосредоточена на максимально полном отражении внутреннего мира своих персонажей, и в большей степени – на психологической сфере

межличностных коммуникаций. Ход мыслей героев, их эмоции и переживания, неустанная внутренняя борьба, конфликт интересов, несоответствие воображаемого реальному положению вещей, скрытые и явные желания, слабости, боль, ошибки, разочарования – все это становится причиной душевного разлада, служит обоснованием их поступков и дальнейших действий.

Важным аспектом содержания повести, как уже было отмечено, является любовная драма, разворачивающаяся между Назийфой и Саматом. Фокус читательского внимания сконцентрирован на полярном восприятии этого чувства и имеет гендерную специфику. Для девушки любовь и отношения с возлюбленным – выбор осознанный, он продиктован психологической готовностью к ответственности в паре. Однако ее искреннее желание раствориться в избраннике, чрезмерная его романтизация, завышенные ожидания в плане эмоциональной отдачи, становятся причиной разочарований. Самат со своей стороны не видел ценности в этих отношениях (поскольку обзавелся семьей еще до знакомства с Назийфой). Он намеренно избегал прямого обсуждения совместных планов на будущее, не вкладываясь в построение крепких уз, так как для него это было воображаемой игрой, которая привносила в его размеренную жизнь ощущение новизны. Искренность и открытость (не только в чувствах, но и в социальной коммуникации) считаются как проявление слабости и служат недобрую службу для тех, кто не может иначе. Об этом размышления автора: «Къарыусузну кёлюнен тиерге жол къалай ачыкъды бети болмагъан адамгъя! Къалай жаланды жарлыны жюргеги» («Возможность обидеть слабого так реальна для бессовестного человека! Как же уязвимо сердце несчастного») [Биттирова 2003: 67]. Любовь (сравнительно неравнозначная) превращает человека в слепца, заставляя чувствовать себя ущемленным и в какой-то степени неполным. Счастье от нее кратковременно, за ним всегда следует четкое понимание неминуемости расставания. Любовь – тлеющий огонь, не гаснет, но нет запала разгораться в полую силу. Пепел, оставшийся на руинах былого чувства, уже не разжечь. Назийфа когда-то считала, что без любви жизнь подобна цветку, оставшемуся без полива, стебель сохнет на солнце, словно его выдернули из земли с корнями («Суу къююлмай къалгъан гюлча къургъакъсыйды, мыккыл болады, жерден тамырлары бла чыгъарылып атылгъан ханс кюнде мууал болгъанча» [Биттирова 2003: 69]). Девушка искала оправдания любимому, думала: знакомо ли Самату такое состояние, чувствует ли он то же, что и она? С его появлением она расцвела, возник интерес к жизни, во всем ее облике чувствовались воодушевление и окрыленность. Прежнее увлечение работой отошло на второй план. Назийфа всецело была поглощена новым состоянием. Вместе с тем ее нельзя назвать наивной, вдумчивый, трезвый взгляд на происходящее и некая доля снисходительности помогли ей выйти победителем из создавшегося положения. Несмотря на все сложности (общественное осуждение, неприятие семьей ее нынешнего статуса незамужней матери одиночки, финансовые трудности, проблемы со здоровьем) героине повести удалось перепрошить свое сознание, обрести благостное состояние, сосредоточиться на воспитании сына. Самат же, будучи в довольно зрелом возрасте, оказался не у дел, обреченный провести остаток своей жизни в сожалениях и самобичевании. Судьба вынесла обоим свой справедливый вердикт.

Обе повествовательные линии произведения представляются логически завершенными. Ключевой в повести означена сфера человеческих взаимоотношений, распределение социальных ролей и их неоднозначное восприятие героями. А. Биттирова скрупулезно вырисовывает значимые ситуативные моменты, позволяя читателю получить ясное представление о характерах героев, их личностных особенностях. Действия персонажей анализируются с позиции духовных ценностей, нравственности и этики. Критерии оценки соответствуют принятым в народе моральным устоям. Перипетии жизней и судеб действующих лиц повести обнажают социальные противоречия, иллюстрируя то, как в одной и той же ситуации по-разному раскрывается человеческая суть.

Внутренний компас – духовный ориентир ассертивной личности. Если человек научится доверять, прислушиваться к собственному барометру ощущений, находить опору в самом себе, а не искать во вне, – это взрослая позиция, которую заглушают инфантилизм и псевдотолерантность, поощряемые обществом. Есть и другая крайность – убегание, перекладывание ответственности, неспособность думать своей головой. Подобные установки закладываются в подкорку с детства и остаются вшитыми в подсознание, укрепляя ложные представления о долженствовании. Отсюда неудовлетворенность собой и окружающими, сбитые ориентиры, эмоциональное выгорание, синдром отложенной жизни. Наглядной иллюстрацией инфантильного мышления служат психологические типы, оформленные в образах Самата (влюбленный Назийфы) и Залимхана (брата). Единственной, кто осмелился нарушить устойчивые стереотипы, отказавшись быть удобной и не соглашаясь на меньшее, стала главная героиня, доказавшая личным примером, что Бог не меняет положение людей, пока они не изменятся сами. Она прошла все этапы эмоционального проживания неразрешимой ситуации: отрицание, гнев, торжество (оправдание), депрессия, принятие, психологическое перерождение и внутренняя свобода. Остальные персонажи демонстрируют свою несостоятельность, застревая на полпути, мимикируя и подстраиваясь под обстоятельства, обходя острые углы, игнорируя сложности, решение которых и является точкой роста. Интенсивность проживаемых эмоций меняется в зависимости от того, на каком этапе находится человек, и какие усилия он в итоге предпринимает для разрешения конфликта.

Проза А. Биттировой характеризуется искренностью и правдивостью, благодаря чему и находит отклик у потенциального читателя, получает эмоциональный резонанс. Знакомясь с ее творчеством, невольно примеряешь на себя подсвеченные социальные роли и изображаемые образы. Писатель вскрывает спрятанные в человеческом подсознании застарелые травмы, неразрешенные конфликты, берущие начало еще из детства. И, как верно подмечено автором, их последствия препятствуют росту и развитию эмоционального интеллекта. Все упомянутые признаки дают основание причислять творчество балкарской писательницы к жанру психологической прозы, априори ориентированной на раскрытие этих аспектов.

Такова психическая феноменология, которую А. Биттирова высвечивает с разных ракурсов (через возрастную специфику и гендерный аспект). Пограничность / переходность / лиминальность в оценке психологического состояния

героев получают наибольший интерес, позволяя идентифицировать специфические черты каждого персонажа в отдельности. Чему в целом содействуют и портретные характеристики, и описания деталей, выявление внешних и внутренних закономерностей происходящего. Действенным способом раскрытия непроявленных эмоций, зафиксированных на уровне подсознания, становятся онейрические вставки (пример тому – рассказы «Жашым, тансыкъ болгъанма санга» / «Сынок, я скучаю по тебе», «Озгъан насып» / «Утраченное счастье», повесть «Танг атмай турса эди» / «Хоть бы не рассветало»).

Помимо всего прочего в произведениях А. Биттировой затрагиваются проблемы утраты идентичности, ассимиляции в чуждой среде (Сагит в рассказе «Сынок, я скучаю по тебе»). Некоторые персонажи оказываются в пленах деструктивных влияний и порочных зависимостей, приводящих к постепенной духовной деградации (Хусей в рассказе «Счастье, потерянное в дождливую ночь», нерадивая мать из рассказа «Почему ты такой грустный?»). Писательница стремится отследить момент проявления необратимых психологических трансформаций, происходящих в человеке под воздействием внешних факторов и среды. В ее произведениях находят отражение негативные стороны сосуществования в социуме, например, клановость – жесткое давление семьи, коллектива, общины и драматических жизненных коллизий (как это происходит в рассказе «Бийик тауланы желлери саламынгы жетдирирле манга» / «Ветра с высоких гор донесут мне веточку от тебя»). Нередко в поле зрения художника попадают истории людей, оказавшихся в сложных ситуациях нравственно-этического выбора (Залимхан в повести «Хоть бы не рассветало», Назир в рассказе «Утраченное счастье»). Автор создает «психологизм контекста» через символические эпизоды либо реализует это посредством рефлексивного монолога. Интересно обыгрывается автором и тема трагической предопределенности (печальные судьбы Кезибан и Таусолтана – «Шашханла жаннетге тюшедиле» / «Блаженные попадают в рай», Афуажан – «Кечеди жаланда шагъат» / «Только ночь свидетель», трагическая история Германа и Нюржан – «Бийик тауланы желлери саламынгы жетдирирле манга» / «Ветра с высоких гор донесут мне веточку от тебя» и др.).

Анализ идейного и содержательного уровней психологической прозы А. Биттировой показывает, что «проблемы веры и безверия, соотношения личного и коллективного, духовного и этического, нравственности и политики – основные в мировой литературе XX века и в русской прозе 1980-2000-х годов – приобретают особую актуальность и дают импульс развитию современной национальной прозы» [Бозиева 2008: 4]. Неоднозначные психологические состояния героев, сложная диалектика человеческой души, уровень эмпатии и поведенческие особенности героев отражаются через глубокое погружение в их внутренний мир. Вектор направлен в себя, именно так достигается исчерпывающее объяснение эмоциональных порывов персонажей. В случаях, когда связь с реальностью, окружающей действительностью теряется, в этот момент происходит проявление скрытого «бессознательного» в человеке. Констатация внутренней жизни и внешних обстоятельств генерирует максимальное раскрытие характера, дополнительно разъясняя его социальную обусловленность. Однако стилевой доминантой всегда остается «исследование душевной жизни в ее противоречиях и глубинах» (Гинзбург Л.И.)

Результаты изучения лингвостилистических особенностей художественного текста позволяют говорить об умении писателя отбирать те тропы, которые будут эффективными в интроспективном отражении. Композиционно-языковые средства, формирующие специфическую лексику художественных произведений (риторические вопросы, использование вставных конструкций, наличие эмотивно-оценочных характеристик, субъективных оценок, приемы языковой импровизации, приданье выразительности при помощи экспрессивно-окрашенных фраз), способствуют усилению драматизма. Художник делает выбор в пользу монологов и мыслительных сентенций (интроспекция), сводя диалогическую речь к необходимому минимуму. Рассказы приобретают законченный вид благодаря лаконичности структурного оформления и выстраиванию логической цепи взаимообусловленных событий.

Проблематика рассказов и повестей автора вбирает широкий спектр актуальных вопросов и тем, направленных на оценку психоэмоциональных характеристик действующих лиц, раскрытие сложной цепи внутрисемейных (родовых) связей, социальных коммуникаций, гендерной и возрастной специфики, диалектики человеческих взаимоотношений, выстраивая типологию характеров и дифференциацию конфликта. Все вышеизложенное составляет действенный художественный инструментарий современной психологической прозы, которым активно пользуется в своем творчестве А. Биттирова.

Итоги исследования подтверждают творческую приверженность автора к линии психологической прозы и ее усилия в активной разработке указанного жанра в национальной литературе 1990-2000-х гг., целевое направление которой усматривается в «художественном познании внутреннего мира, эмоциональной и интеллектуальной сферы личности в ее обусловленности явлениями окружающей действительности» [Бозиева 2008: 4].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Биттирова 1998 – *Биттирова А. Шашханла жаннетге тюшедиле* (Блаженные попадают в рай). Рассказы. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 132 с.

Биттирова 2003 – *Биттирова А. Танг атмай турса эди* (Хоть бы не рассветало). Рассказы и повести. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 144 с.

Бозиева 2008 – *Бозиева А.А. Художественное решение нравственно-этических проблем в современной кабардинской прозе (повесть)*: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Нальчик, 2008. – 22 с.

Бочаров 1977 – *Бочаров С.Г. Этические проблемы психологической прозы* // Вопросы литературы. – 1977. – №3. – С. 262–269.

Гинзбург 1977 – *Гинзбург Л.Я. О психологической прозе*. – Л.: Художественная литература, 1977. – 450 с.

Горжая 2020 – *Горжая А.А. Психологическая женская проза как объект исследования* // Гуманитарные и юридические исследования: раздел «Филологические науки». – 2020. – №2 – С. 175–181. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2020.2.24>

Есин 2011 – *Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы*. – М.: Флинта, 2003. – 173 с.

Иезуитов 1970 – *Иезуитов А. Проблема психологизма в эстетике и литературе / А. Иезуитов* // Проблемы психологизма в советской литературе; под ред. В. А. Ковалева и А. И. Павловского. – Л.: Наука, 1970. – С. 39–57.

Кодак 1980 – Кодак М.П. Психологизм социальной прозы. – Киев: Наукова думка, 1980. – 162 с.

Маркова 2002 – Маркова Т.Н. Эволюция концепции человека и психологизма в русской прозе XX века // Вестник Челябинского государственного университета. Раздел: Языкоизнание и литературоведение. – 2002. – № 1. – Т. 2. – С. 42–57.

Москвина 1982 – Москвина Р.Р. «Смешанные» жанры словесности как эмпирия философствования // Вопросы философии. – 1982. – № 11. – С. 101–108.

REFERENCES

- BITTIROVA A. *Shashxanla zhannetge tyushedile (Blazhenny'e popadayut v raj)* [The blessed go to heaven]. Rasskazy'. – Nal'chik: E'l'brus, 1998. – 132 p. (In Russ.).
- BITTIROVA A. *Tang atmaj tursa e'di (Xot' by` ne rassvetalo)* [I wish it wasn't dawn]. Rasskazy' i povesti. – Nal'chik: E'l'brus, 2003. – 144 p. (In Russ.).
- BOZIEVA A.A. *Xudozhestvennoe reshenie nравствено-этических проблем в современной кабардинской прозе (повести)* [The artistic solution of moral and ethical problems in modern Kabardian prose (novel)]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Nal'chik, 2008. – 22 p. (In Russ.).
- BOCHAROV S.G. *Eтические проблемы психологической прозы* [Ethical problems of psychological prose]. In: Voprosy` literatury'. – 1977. – №3. – P. 262–269. (In Russ.).
- GINZBURG L.Ya. *O psixologicheskoy proze* [About psychological prose]. – L.: Xudozhestvennaya literatura, 1977. – 450 p. (In Russ.).
- GORZHAYA A.A. *Psixologicheskaya zhenskaya proza kak ob`ekt issledovaniya* [Psychological women's prose as an object of research]. In: Gumanitarny'e i yuridicheskie issledovaniya. Razdel: Filologicheskie nauki. – 2020. – №2. – P. 175-181. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2020.2.24> (In Russ.).
- ESIN A.B. *Psixologizm russkoj klassicheskoy literatury`* [The psychology of Russian classical literature]. – M.: Flinta, 2003. – 173 p. (In Russ.).
- IEZUITOV A. *Problema psixologizma v e`stetike i literature* [The Problem of Psychologism in Aesthetics and Literature]. In: Problemy` psixologizma v sovetskoj literature; pod red. V.A. Kovaleva i A.I. Pavlovskogo. – L.: Nauka, 1970. – P. 39-57. (In Russ.).
- KODAK M.P. *Psixologizm social'noj prozy`* [The psychology of social prose]. – Kiev: Naukova dumka, 1980. – 162 p. (In Russ.).
- MARKOVA T.N. *E`voljuciya koncepции cheloveka i psixologizma v russkoj proze XX veka* [The Evolution of the Concept of Man and Psychologism in 20th-Century Russian Prose]. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Razdel: Yazy'koznanie i literaturovedenie. – 2002. – №1. – Volume 2. – P. 42-57. (In Russ.).
- MOSKVINA R.R. «*Smeshanny'e» zhanry` slovesnosti kak e`mpiriya filosofstvovaniya* ["Mixed" Genres of Literature as Empirical Philosophy]. In: Voprosy` filosofii. – 1982. – №11. – P. 101-108. (In Russ.).

Сведения об авторе

А.Д. Атабиева – кандидат филологических наук.

Information about the author

A.D. Atabieva – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 17.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.